

O'Kelley Ch. R. T. Filling Gaps in the Close Corporation Contract: A Transaction Cost Analysis // Northwestern University Law Review. 1992. Vol. 87. N 1.

Kostritsky J. P. Plain Meaning vs Broad Interpretation. How the Risk of Opportunism Defeats a Unitary Default Rule for Interpretation. URL: <http://ssrn.com/abstract.=981403>.

Yang Xiaowei, Dai Zhiyong Whom Does the Written Contract Protect. URL: <http://ssrn.com/abstract=996312>.

Ансон В. Договорное право / пер. с англ. М., 1984.

Аксельрод Л. И. Философские очерки: Ответ философским критикам исторического материализма. 4-е изд. М., 2010.

Богданов Е. В. Предпринимательские договоры. М., 2003.

Богданова Е. Е. Добросовестность и право на защиту в договорных отношениях. М., 2010.

Иванов В. В. К вопросу об общей теории договора // Государство и право. 2000. № 12.

Карпетов А. Г. Расторжение нарушенного договора в российском и зарубежном праве. М., 2007.

Карпетов А. Г. Свобода договора и пределы императивности норм гражданского права // Вестник ВАС РФ. 2009. № 11.

Кофанов Л. Л. Обязательственное право в архаическом Риме: Долговой вопрос (6—4 вв. до н. э.) М., 1994.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 29.

Маркс К. Ниццета философии. 2-е изд. М., 2010.

Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 20.

Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений / под. ред. В. К. Брушлинского. 2-е изд. М., 2010.

Покровский И. А. История римского права. СПб., 1999.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М., 1998.

Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. М., 2008.

Соменков Г. А. Расторжение договора в гражданском обороте: теория и практика. М., 2002.

Черниченко С. В. Очерки по философии и международному праву. М., 2009.

О типологии правовых интересов

КУЗЬМИНА Алла Владимировна, депутат Государственной Думы Федерального Собрания РФ, заместитель председателя Комитета по делам общественных объединений и религиозных организаций, кандидат философских наук

Категория «интерес» широко и вариативно используется в отечественном правоведении, в системе понятий современного законодательства.

Предметом настоящей статьи является авторское видение спецификаций собственно правовых интересов и их типологии, поскольку в правовой материи, в том числе и в правовом поле современной России, представлены не только правовые интересы, но и интересы экономические, социальные, политические, идеологические, экологические, которые не всегда корректно

«обрамлять» юридической терминологической оболочкой и рассматривать в качестве правовых феноменов.

Проблематика правовых интересов начала привлекать внимание исследователей социально-гуманитарного профиля в конце XVIII — начале XIX в. по мере развития рациональных концепций права, правовых систем, юридических отношений.

Теоретико-методологическую основу разработки проблем правовых интересов составляли идеи, положения древнегреческих философов, европейских гуманистов XVIII в., а также интенсивное развитие различных направлений юридической, социологической, психологической науки¹.

¹ Подробнее об этом см.: Кузьмина А. В. Категория «интерес» в философии и праве. М., 2009.

Отход ряда европейских, в том числе и российских, правоведов от юридического догматизма-формализма в сторону «очеловечивания» права, правовых отношений создавал благоприятную интеллектуальную среду для более детального осмысления связи права и интересов, причем как в сфере правосознания, так и в области юридической практики.

Разработка правовых концепций, ядро которых образывала проблематика интересов, позволила окончательно закрепить место интереса субъекта в праве, в легитимных правовых системах и одновременно актуализировать полемику между исследователями, неоднозначно относящимися к союзу права и интереса.

Анализируя правовое концептуальное разнообразие, Л. И. Петражицкий писал: «Особого внимания из бесчисленных теорий права... заслуживают по своей распространенности и влиянию... теории свободы и теории защиты интересов. Теории свободы пользовались большой популярностью в XVIII и первой половине XIX столетия... В новейшее время на место теорий свободы вступили и сделались весьма популярными теории интересов. Теперь, можно сказать, как общая теория права, так и прочая юриспруденция всецело пропитаны теорией интересов... как и много модных теперь учений, теория интересов связана с именем Иеринга»².

Стоит заметить, что сам Л. И. Петражицкий весьма критически относился к теории правовых интересов, особенно в части не всегда корректного, с его точки зрения, использования категориально-понятийного аппарата. Но его критический конструктивизм во многих случаях был обоснован и способствовал не столько дезавуированию теорий правовых интересов, сколько их совершенство-

ванию, особенно совершенствованию понятийного аппарата и методов исследования роли и места интересов в правовом пространстве.

Проблематика права и интересов с разных научно-мировоззренческих, методологических позиций рассматривалась также в работах И. А. Ильина, Н. М. Коркунова, И. А. Покровского, Б. Н. Чичерина и др. Однако в их трудах не уделялось должного внимания собственно типологии правовых интересов и разработке понятия «правовой интерес».

В советский период синтез права и интересов обосновывался, как правило, с классовых позиций. Специфика собственно правовых интересов подменялась интересами властно-политическими. Лишь в последние годы в условиях доминирующего мировоззренческого, теоретико-методологического плюрализма проблематика типологии правовых интересов начинает привлекать внимание представителей социально-гуманитарных наук, в том числе и теоретического правоведения.

Синтез права и интересов исследуется в работах С. С. Алексеева, В. Д. Зорькина, В. Н. Карташова, Д. А. Керимова, В. В. Лазарева, О. Э. Лейста, Е. А. Лукашевой, Г. В. Мальцева, В. С. Нерсисянца, В. М. Сырых, Ю. А. Тихомирова и др.

В этой сфере намечаются два направления исследовательской деятельности. Одни ученые занимаются проблематикой психологизации права и правовых отношений, делая акцент на исследовании проблематики, типологии интересов в системе мотиваторов противоправного и правового, законопослушного поведения. Другие исследователи изучают проблемы собственно правовых интересов, их генезиса, проявлений, типологии.

Весьма интенсивно данное направление развивают представители саратовской школы теоретического правоведения. В наиболее системном виде результаты разработки

²Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000. С. 248—249.

теории, типологии правовых интересов представлены в публикациях А. В. Малько³. Центральное место в своих трудах он отводит обоснованию понятия «законный интерес».

Размышляя о категориально-терминологическом разнообразии, которое характерно для отражения непростого, весьма диалектического синтеза права и интересов, Г. В. Мальцев пишет: «Многие юристы считают, что интерес приобретает регулятивное значение только через право, юридическую норму, через признание в нормативном правовом акте. Отсюда делают умозаключение, что регулятивная сила юридической нормы, которая соединяет интерес лица с его субъективным правом, является непосредственной и первичной по отношению к регулятивной силе интереса. Последняя как бы растворяется в действии права, в ней самой уже нет необходимости».

Другие юристы рассуждают иначе: интерес есть правообразующий феномен, ему в первую очередь право обязано своим возникновением. То, что получают интересы от права, есть не сама по себе способность регулировать общественные отношения, но условия, при которых регулирование посредством интересов может осуществляться свободно, беспрепятственно либо с определенными ограничениями»⁴.

Как нам представляется, в любом правовом поле, в том числе и в право-

вом пространстве современной России, реализуются в «снятом» виде различные экономические, социальные, политические и иные интересы, причем как защищенные нормами законодательства (получившие наименование законных интересов), так и не защищенные конкретными нормами интересы субъектов; воспроизводятся и реализуются собственно правовые интересы, по своему категориальному статусу соотносимые с иными социальными интересами.

С нашей точки зрения, сосуществование в правовом пространстве феноменов, выражаемых понятиями «законный интерес» и «правовой интерес», формирует поле для творческих теоретико-правовых дискуссий.

«Интересом, — писал И. А. Ильин, — следует называть отношение живущего и желающего человека ко всему тому, что ему необходимо или важно»⁵. Данное понимание можно распространить и на другие субъекты, в том числе и субъекты правовых отношений.

Правовой интерес можно охарактеризовать как осознанную потребность дееспособного субъекта добиваться правовыми средствами определенных правовых благ. Но если следовать смыслу данного определения, то понятие «законный интерес» более объемно, чем понятие «правовой интерес», поскольку первое может отражать интересы экономические, социальные, политические, идеологические, экологические и собственно правовые. По сути, это совокупность самых различных интересов государства, личности, бизнес-структур, институтов гражданского общества и других субъектов социальных отношений, взятых под правовую «опеку» норм действующего законодательства. Но в этом симбиозе интересов растворяются собственно правовые интересы.

³ См.: Малько А. В. Законный интерес как правовая категория // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1986; Он же. Законные интересы и их стимулирующая роль // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1988; Он же. Основы теории законных интересов // Журнал российского права. 1999. № 9—10; Он же. Субъективное право и законный интерес: проблемы соотношения // Правоведение. 2000. № 3; Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004.

⁴ Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007. С. 305.

⁵ Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2003.

Другой сегмент проблемы предопределен весьма плюралистическим отношением к терминам «правовой» и «юридический», к соотношению предметности понятий «правовой интерес» и «юридический интерес». На наш взгляд, их корректно рассматривать как синонимы с учетом сложившейся и используемой юридической терминологии. Но применим и другой подход, когда юридический интерес рассматривается в качестве структурной части правового интереса.

Обратим в связи с этим внимание на размышления О. Э. Лейста: «Говоря о содержании права, следует отметить, что такое содержание понимается в двух смыслах.

Юридическое содержание права состоит в том, что определяются субъекты права, их юридические статусы, условия вступления в правоотношения, права, обязанности, запреты, юридические факты, виды правоотношений, составы правонарушений, процессуальный порядок решения споров и рассмотрения дел о правонарушениях, назначения и применения санкций.

Термин (понятие) «юридическое содержание права» звучит почти тавтологично, поскольку обозначает качества права, существующие во все времена его истории. Но это понятие необходимо для выявления социального содержания права и обозначения направления правового воздействия на общественные отношения.

Социальное содержание права меняется в процессе развития общества. Оно состоит в определении правовой структуры общества, привилегий или повинностей различных сословий либо в утверждении всеобщего равенства перед законом, в закреплении различных форм собственности, в охране и регулировании семейных, хозяйственных, корпоративных, коммерческих, производственных, религиозных, политических и других общественных отношений»⁶.

Очевидно, что в любых правовых феноменах можно отыскать юридические и социальные составляющие, хотя если исходить из универсального понимания слова «социальность», то несоциальной «юридичности» не существует в правовом поле.

К тому же в русском языке термины «правовое» и «юридическое» принято рассматривать в качестве синонимов, не придавая значения тем или иным терминологическим особенностям (правосознание, юридическое мировоззрение, юридическое мышление, правовая культура, юридическое образование, правовое воспитание, правовые теории, юридические науки, правовой позитивизм, юридический реализм, правовая норма, юридический принцип и т. д.).

С учетом этих и ряда других обстоятельств понятия «правовой интерес» и «юридический интерес» мы рассматриваем в качестве синонимов и с этих терминологических позиций подходим к *типологизации правовых интересов*.

Типологическое разнообразие правовых и правоприменительных интересов формируется в структурах правосознания, под непосредственным и опосредованным воздействием многих объективных, в том числе и объективно правовых обстоятельств.

Правовой интерес, синтезируя волевые, иные ресурсы субъекта, во многом определяет генетическую, процессуальную взаимообусловленность заинтересованной правоприменительной деятельности и уровня, качества правосознания, степень его социальной или индивидуальной конструктивности/деструктивности, но одновременно он усложняет поиск фактичности правовых интересов, их диагностирование и типологию.

В качестве исходного критерия классификации правовых интересов целесообразно использовать критерий «процессуальность права», на основе которого выделяют два ти-

⁶Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008. С. 24.

па интересов: интересы субъектов по поводу генезиса, воспроизводства правовых ресурсов (правотворческие интересы); интересы субъектов, связанные с реализацией права (правоприменительные интересы).

В широком понимании правоприменительные интересы включают интересы пользователей правом и интересы правообладателей.

В узком понимании правоприменительные интересы, с нашей точки зрения, целесообразно классифицировать на основе методов реализации правовых интересов. Так, выделяют: интересы субъектов, располагающих ресурсами правового принуждения (речь идет прежде всего о государстве, его соответствующих структурах и должностных лицах); интересы активных правоприменителей (в том числе и тех, которые в реализации интересов не прибегают к посредничеству государства, а реализуют их на основе прямых договорных отношений в рамках законодательно закрепленных принципов и норм); интересы правообладателей, не отличающихся активной правоприменительной позицией (они используют (применяют) свои правовые ресурсы эпизодически, под воздействием внешних обстоятельств и часто с низкой результативностью).

В типологии правоприменительных интересов используется также критерий их социально значимой конструктивности и деструктивности.

С нашей точки зрения, в системе конструктивных правовых интересов субъектов правоприменения следует выделить: интересы правоприменителей, направленные на гармонизацию юридических отношений; интересы правоприменителей, предметом которых являются правовая стабильность и правопреемственность; интересы оптимизации юридических прав, свобод, обязанностей, правовой ответственности различных субъектов правовой реальности; интересы правовой защи-

ты различных форм собственности, применения юридических механизмов ее эффективного использования; интересы формирования адекватного правосознания, правовой компетентности, правовой культуры должностных лиц и населения; интересы обеспечения правовыми ресурсами личной и общественной безопасности.

С одной стороны, это объективные правовые интересы, предопределяемые объективностью жизненного, социального положения государства, правоспособной личности, других субъектов правовых отношений в правовом пространстве. С другой — они субъективны, поскольку осознаются конкретным лицом в качестве юридических благ-ценностей. Например, предметом объективно-субъективного блага являются интересы гармонизации юридических отношений, в чем заинтересованы все конструктивные правоприменители, за исключением тех субъектов, которые мотивированы на злоупотребление правом или на иные правоприменительные деструктивности.

Предметом конструктивной правоприменительной заинтересованности (правоприменительного интереса) в условиях современной России являются: гармонизация правовых отношений Российской Федерации и субъектов РФ; гармонизация правовых отношений личности, государства, институтов гражданского общества, бизнес-структур, в том числе и международных; гармонизация правовых отношений между общедофедеральными министерствами и ведомствами, а также между общедофедеральными и региональными структурами исполнительной власти; гармонизация прав, свобод и обязанностей тех или иных субъектов права.

В совокупности конструктивные правоприменительные интересы, наряду с другими мотиваторами правоприменительной деятельности (юридической ответственностью, гражданским, профессиональным

долгом и т. д.), формируют механизмы реализации нормативных правовых документов, тех или иных конкретных норм действующего законодательства.

Рассмотрим модельную ситуацию «соучастия» правоприменительных интересов конкретных субъектов в реализации положения ч. 1 ст. 27 Конституции РФ, которая гласит: «Каждый, кто законно находится на территории Российской Федерации, имеет право свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства».

В фактическом применении данной нормы, в формальном ее применении, а также в ее фактическом неприменении заинтересованы прежде всего граждане Российской Федерации; граждане других государств, законно или не законно находящиеся на территории России; государство в целом как властно-политический, социальный институт; специализированные государственные органы, должностные лица государства, призванные обеспечивать данную правоприменительную практику; бизнес-сообщество, хозяйствующие субъекты.

С нашей точки зрения, реестр заинтересованности/незаинтересованности в реализации этой универсальной, общепризнанной, демократической нормы мог бы выглядеть (по степени убывания реальной заинтересованности) следующим образом:

максимальная заинтересованность — граждане иностранных государств, законно или незаконно находящиеся на территории России;

высокая заинтересованность — бизнес-сообщество, хозяйствующие субъекты, широко использующие трудовые ресурсы;

избирательная заинтересованность — граждане России и российское государство в целом;

предельно низкая заинтересованность — специализированные государственные органы и их должностные лица, призванные осуществлять реализацию данной нормы, а также

местные государственные органы многих субъектов РФ, занимающиеся решением социальных проблем.

Рассмотрим иную проблемную ситуацию.

В части 2 ст. 48 Конституции РФ, говорится, что «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения».

Максимально заинтересован в реализации данной нормы будет тот, кто попал в подобную правовую ситуацию. Но на вопрос, в какой мере этот интерес характерен для правосознания всего населения России, могут последовать весьма неоднозначные ответы.

Можно предположить, что формально в реализации данной конституционной нормы будут заинтересованы государственные структуры, лица, представляющие правоохранительные органы, весьма неохотно и неэффективно соучаствующие в развитии института адвокатуры.

Таким образом, реестр правоприменительной заинтересованности, формальной заинтересованности и незаинтересованности в реализации действующего в России права можно составлять по каждой конкретной правовой норме, в любой законодательной сфере.

Диагностика баланса заинтересованности (незаинтересованности) конкретных потенциальных правоприменителей позволяет с достаточной высокой степенью вероятности прогнозировать «правоприменительную судьбу» любого закона.

В российской правоприменительной практике широко представлены и деструктивные интересы, позволяющие субъектам правоприменения использовать свою правовую субъектность в корыстных интересах.

В системе интересов данного типа следует выделить: интересы получения личной выгоды правомерны-

ми средствами; интересы правовой защиты незаконно приобретенных материальных и нематериальных ценностей; интересы юридическое обеспечения коррупционного поведения должностных лиц; интересы хаотизации, бюрократизации юридических отношений, минимизации профессионально-должностных обязанностей, диффузии юридической ответственности; интересы формирования правового скептицизма, юридической пассивности правообладателей, их юридической некомпетентности.

В типологии правовых интересов необходимо использовать и критерий правовой субъектности, который позволяет выделять правовые интересы личности, семьи, различных юридических лиц, социальных, национальных, профессиональных, гендерных, конфессиональных, экономических, политических, идеологических сообществ, государства, институтов гражданского общества, сложившихся цивилизаций.

Правовые интересы субъектов, как правило, обусловлены базовыми экономическими, социальными и иными интересами и потребностями.

Подобная «многослойность» интересов субъектов, представленных, в частности, в Государственной Думе РФ, довольно наглядно проявляется в дискуссиях, посвященных текстуальному оформлению тех или иных конкретных норм правовых актов в сфере бюджетных, налоговых и иных регуляций. Одни депутаты заинтересованы в детальном описании механизмов реализации нормы закона, другие, наоборот, считают, что норма должна приобрести декларативную форму, создав тем самым предельно широкий простор для правоприменительной деятельности. Одни депутаты стремятся к тому, чтобы в том или ином законодательном акте реализовать экономические интересы бизнес-сообщества, придав им статус законных интересов, другие исходят из интересов го-

сударства или социальных интересов нетрудоспособного населения.

Как нам представляется, предметом правового интереса тех или иных субъектов являются не только конкретные правовые нормы, механизмы их реализации, но и юридические отношения, юридические концепции, юридическая идеология, юридические принципы, причем речь может идти как об интересах исследователей, так и об интересах законодателей, других субъектов, использующих те или иные феномены юридических коммуникаций, правосознания в интересах собственного юридического блага.

Актуальным критерием типологии правовых интересов является степень их осознанности на уровне индивидуального, корпоративного, общественного сознания, мера «представленности» в правосознании, в сфере правовой культуры.

Органичное существование правовых интересов в праве, в действующем законодательстве актуализирует проблематику исследования отношений взаимообусловленности правовых интересов и правосознания, причем речь должна идти об осмыслении их взаимообусловленности на конкретном субъективном уровне.

Важнейшим сущностным признаком правового интереса любого субъекта — от личности до гражданского общества и государства — является его осознанность ресурсами соответствующего правосознания, в том числе и правовой идеологии.

Однако отношения взаимообусловленности между правовым интересом и правосознанием более вариативны.

С одной стороны, правосознание субъекта, осуществляя рефлекссию правовых потребностей, выводит их на уровень осознанных, целенаправленных интересов, обуславливает, наряду с другими факторами, процесс их практической реализации. С другой — правовой интерес как феномен социальной, поведенческой

объективности способствует развитию ресурсов правосознания.

Исходя из двойственной природы интересов вообще и правовых интересов в частности, синтезирующих в себе и объективные, и субъективные начала, следует предположить, что объективная и субъективная ценность юридических благ осознается теми или иными субъектами по-разному. Известно, что юридический нигилизм широко представлен в национальном массовом сознании, выступая в качестве важного индикатора неразвитости правовых потребностей и интересов его носителей. В сфере правосознания можно выделить феномены анемии правовых интересов, слабой выраженности правовых интересов, стандартных правовых интересов, развитых правовых интересов. Степень представленности правовых интересов в сфере сознания различных субъектов можно выражать и посредством более дробной классификации с использованием социологических, психологических, собственно юридических и иных индикаторов, используя соответствующие измерительные методики и процедуры.

Размышляя о диалектике права и неправа, правомерных и неправомерных интересов, И. А. Ильин писал: «Право и правосознание начинаются и кончаются там, где начинается и кончается вопрос: «А что на самом деле имеет правовое значение и в чем оно?» Судья, чиновник, адвокат и гражданин — если они не ставят этого вопроса и не добиваются его предметного разрешения — не живут правом и не творят право, и правосознание их стоит на самом низком уровне. Они довольствуются суррогатами права и фальсифицируют его. Тот, кто пользуется бестолковостью судьи, продажностью чиновника, «гибкостью» адвоката или безграмотностью соседа

для того, чтобы осуществить свой неправомерный интерес, выдавая неправо за право, — тот мыслит и действует, как софист низшего разбора, полагая, что «истина есть то, в чем я сумею убедить других». Он работает над вырождением и деградацией общей жизни»⁷.

Качество права, правосознания, их созидательные ресурсы во многом предопределяются потенциалом правовых интересов субъектов, их качеством и предметной направленностью. Типология правовых интересов не только обогащает их системное видение, но и позволяет с меньшими издержками разрешать проблемы, противоречия, порождаемые диалектикой частных и общественных, конструктивных и деструктивных правовых интересов.

Библиографический список

- Ильин И. А. Теория права и государства. М., 2003.
- Кузьмина А. В. Категория «интерес» в философии и праве. М., 2009.
- Лейст О. Э. Сущность права. Проблемы теории и философии права. М., 2008.
- Малько А. В. Законные интересы и их стимулирующая роль // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1988.
- Малько А. В. Законный интерес как правовая категория // Вопросы теории государства и права. Саратов, 1986.
- Малько А. В. Основы теории законных интересов // Журнал российского права. 1999. № 9—10.
- Малько А. В. Субъективное право и законный интерес: проблемы соотношения // Правоведение. 2000. № 3.
- Малько А. В., Субочев В. В. Законные интересы как правовая категория. СПб., 2004.
- Мальцев Г. В. Социальные основания права. М., 2007.
- Петражицкий Л. И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб., 2000.

⁷Ильин И. А. Указ. соч. С. 182—183.